

дорога все еще не принимала надлежащего юго-восточного курса и извивалась, значительно уклоняясь на восток. На северо-северо-западе из горной высоты Нарын-хара, являющейся, по словам проводника, одной из шести гряд, образующих вместе цепь широтного направления, выступали желто-красные обрывы с острыми вершинами, под названием Цаган-эргэ-дончжи.

С вершины каждого нового перевала, с каждой новой значительной возвышенности открывалась одна и та же картина—пустыня, пустыня и пустыня, то каменистая, то песчаная с оттенком горных пород, слагающих соседние обнажения.

Между тем, по времени, была уже весна, она давала себя чувствовать: бодрила дух и вселяла надежду на скорый приход в Дын-юань-ин, в близкое соседство красы и гордости южно-монгольского княжества Алаша—хребта Ала-шаня... Почти ежедневно я держал в руках «Монголию и страну тангутов» Н. М. Пржевальского и, по его общим описаниям указанных гор, намечал себе программу научного изучения «меридианального хребта» не только весной, но и летом.

Мои ближайшие товарищи также не мало говорили об Алашаньском хребте, его геологическом строении, характере диких ущелий, разнообразии растительной и животной жизни. Всех нас одинаково интересовала мысль: подняться на вершину хребта Ала-шаня, чтобы видеть безграничную пустыню на западе и блестящую водную ленту Желтой реки на востоке: полную безжизненность, с одной стороны, и оживление пышным китайским земледелием, с другой...

